

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Саратов, Саратовская область

КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРГЕ НА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация: статья посвящена видам каторжных работ на новокаледонской каторжной ссылке во Франции. Рассказывается о создании новокаледонской каторги, нахождении заключенных на каторге, условиях их содержания и видах каторжных работ.

Ключевые слова: Франция, XIX век, Новая Каледония, пенитенциарная система, каторга, каторжные работы.

Французская каторжная система в середине XIX века переживала кризис. Количество каторжников в тюрьмах Франции превысило все мыслимые размеры, поэтому новый император Наполеон III поставил вопрос об избавлении от такого количества каторжников. Смертная казнь (как в средневековье) потеряла свою актуальность, и Министерство внутренних дел Франции обратило свое внимание на далекие заморские колонии. Первой из них была освоена Французская Гвиана (Кайенна), находившаяся в Южной Америке. Но природные условия Гвианы не соответствовали штрафной колонизации. Эпидемии лихорадки, малярия способствовали большой смертности заключенных, поэтому штрафную колонию в Гвиане называли «сухой гильотиной».

После того как Гвиана прославилась как место большой смертности среди заключенных, новая колония привлекла внимание французского Министерства внутренних дел. Это была Новая Каледония, присоединенная Францией в 1853 г. Как отмечал известный исследователь Д.А. Дриль, «Новая Каледония, в

противоположность французской Гвиане, представляет исключительные условия для успехов колонизации. Климат ее здоров и благоприятен. Температура колеблется в пределах от 7 до 38 градусов. Средняя годовая температура равняется 23 градуса, что значительно удешевляет постройки и дает возможность жить круглый год в открытых шалашах, не нуждаясь в теплой одежде» [1, с. 17]. Остров был довольно большой, находился недалеко от Австралии и Папуа – Новой Гвинеи. Выгодное стратегическое расположение Новой Каледонии способствовало ее скорейшему заселению. По мнению И.Я. Фойницкого, «этот выбор оказался несравненно более удачным. Архипелаг состоит из нескольких островов кораллового происхождения, лежащих в Океании между 20 и 22 градусом южной широты, 162 и 165 градусом долготы по парижскому меридиану. К востоку от него лежит Австралия, к югу Новая Зеландия, к западу Гебридские острова. Хотя Каледония находится, близ тропического пояса, но климат ее легче переносится европейцами, а ее почва способна к произрастанию злаков и огородины. Туземное население архипелага, канаки, находилось на первобытной ступени и не представило серьезных затруднений для французской власти» [5, с. 210–211]. Кроме того, «Новая Каледония представляет гигантский коралловый риф, окружающий остров длинный и узкий, тянущийся с севера-запада на юго-восток. Весь остров кораллового происхождения, обязанный своим бытием действием двух сил – животным и вулканическому огню. Остров весьма горист. С гор много падает рек, в особенности в северной части, но судоходны из них немногие. Климат Каледонии сравнительно умеренный, благодаря влиянию океана и гор и считается весьма здоровым» [4, с. 38].

Первый транспорт с 250 ссыльными, с пожизненным пребыванием в колонии, отбыл из Тулона (где этапировались все каторжники Франции) 2 января 1864 г.; в Нумеа он прибыл 9 мая того же года. Этот транспорт был составлен из наиболее здоровых и «сведущих в мастерствах, так как он предназначался для производства на месте предварительных сооружений, необходимых для помещения ссыльных Новой Каледонии.

Осужденные в каторжные работы распределялись по трем дисциплинарным классам, которые различались друг от друга по количеству льгот и выгод. В первую класс переводились самые лучшие по проведению и желанию работать. Уже во время отбывания наказания они могли получать сельские (земледельческие) или городские (ремесленные) концессии, могли бы «употребляемы, на работы у свободных жителей колонии, причем $2/5$ платы, вносимой нанимателем, поступает в государственный доход, $2/5$ – в резервный фонд осужденного и $1/5$ выдается ему на руки. Сверх того, только заключенные этого класса могут быть представляемы к сложению остающейся части наказания, к сокращению срока работ и к условному освобождению» [1, с. 23]. Кто не смог получить концессию и не состоял в найме у частных лиц начинали работать в тюремных учреждениях. Здесь за свой труд они не получали сдельной платы, а получали так называемые награды, которые состояли из 30 гр. кофе, или 30 гр. сахара, или табак и даже выдавали четверть литра вина. «Директор тюремной администрации находит такой порядок более правильным и полагает, что желание получить награду и страх наказания за лень и небрежность – достаточные стимулы для хорошей работы. Напротив, заведывающий одной из мастерских в депо сказал мне, что с тех пор, как заработная плата уничтожена и заменена наградами у заключенных замечается значительно менее рвения и прилежания к работам. За дурную работу, по общему правилу, назначается содержание на хлебе и воде, а за отказ от работы – тюрьма от 6 месяцев и одиночное заключение до 2 лет, в зависимости от категории, к которой принадлежит отказывающийся. Награды (до 2 в день) могут быть переводимы на деньги; в таком случае они зачисляются в резервный фонд заключенного» [1, с. 23].

Заключенные, вошедшие во второй класс, употреблялись на колонизационных работах за счет государства, колонии, муниципалитетов и частных лиц. За хорошую работу они получали такие же вознаграждения, как и заключенные первого класса.

Арестанты третьего класса отправлялись на самые тяжелые работы с соблюдением строгого молчания. «За свой труд они не получают и наград (кроме каких-нибудь исключительных случаев), отделяются от других заключенных, по правилам – спят на голых досках (заключенным двух первых классов полагается спать на гамаках), могут быть приковываемы на ночь (в пенитенциариях, исключая острова Ну, правило это, как и предыдущее, не применяется и заключенные 3-го класса спят неприкованные и также на гамаках) и, если позволяет место, должны быть изолируемы» [1, с. 24].

Естественно, для исправления арестантов необходимы переводы из класса в класс. Они делались директором тюремной администрации «на основании мнений или, «представлений особых дисциплинарных комиссий. Перевод из третьего класса во второй может иметь место не ранее, как по прошествии двух лет пребывания в нем; перевод в первый – по истечении не менее половины срока назначенного наказания для осужденных до 20 лет и по истечении не менее 10 лет для осужденных свыше 20 лет и пожизненно. В исключительных случаях, по решению министра колоний, сроки могут быть сокращены на половину, т.е. уменьшены до $\frac{1}{4}$ назначенного срока или до 5 лет» [1, с. 24]. Конечно, в системе классов была заложена идея исправления заключенных. Но подробно и тщательно изложенная в различных правовых актах, декретах и кодексах, прогрессивная система (идея исправления) на практике часто не работала. Интересно, что и Новая Каледония не избежала этого противоречия. «Со стороны же тюремной администрации ничего положительного в этом отношении не предпринимается, а потому деление на классы в значительной мере представляется формальным и мертвым. Таково и мнение губернатора Новой Каледонии, М. Фелье, который прямо заявил мне (Д.А. Дрилю. – М.Л.), что для исправления преступников у них ничего не делается и служащие в тюрьмах не только не знакомы с прошлым заключенных, но и по большей части не знают, за что кто из них осужден, а при вопросах об этом – бегут справляться в документах. Сходное мнение высказал и начальник пенитенциария в Буриале, М. Пеннел. В ответ на мое

замечание он признал, что в отношении мер исправления у них существует полный пробел. При этом он прибавил, что от надзирателей нельзя ничего и требовать, а других лиц для этого в распоряжении тюремной администрации не имеется» [1, с. 25].

Российский путешественник Э.М. Циммерман, посетивший в начале 1882 г. Новую Каледонию, был на одной из таких дисциплинарных ферм. «На веранде приветствовал нас сам директор фермы. Гостеприимный хозяин, весьма знающий человек, средних лет, доставил мне все возможные сведения касательно здешнего сельского хозяйства, жалуясь притом на саранчу, истребляющую его сахарный тростник. И в самом деле, с веранды дома, стоящего на возвышенном месте, нам представилось следующее оригинальное зрелище: по ровному, расстилавшемуся перед нами полю, поросшему высоким уже сахарным тростником, носилась саранча. Желая помешать ей истреблять зелень, директор прибегал к крайнему, хотя, как выражался он сам, и безнадежному средству. На поле было собрано около полсотни каторжников, работающих на ферме. Мне тут же бросилось в глаза, что у всех преступников бороды и усы были чисто выбриты, так что физиономии их резко отличались от остального бородатого населения. Одетые в холщовые блузы и штаны, с соломенными шляпами на голове, каторжники вооружились хворостинами и, выстроившись длинной шеренгой на одном конце сахарного поля, медленно подвигались к другому краю его, взгоняя засевшую в тростнике саранчу. Густую тучей взлетала она перед подвигавшимися шеренгой загонщиками: но, по мере того как они проходили вперед, насекомые позади них опять спускались на поле. Дойдя до конца, каторжники повторили тот же маневр в обратном порядке, и это продолжалось весь день с небольшими перерывами. Такая работа под жгучими лучами солнца и, сверх того, ввиду бесплодных результатов ее, показалась нам поистине каторжным трудом» [6, с. 265–266]. Конечно, такой труд вызывал у ссыльных возмущение и протест против тюремного режима.

Список литературы

1. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России / Д.А. Дриль. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1897. – 174 с.
2. Лаврентьев М.В. Воспоминания Луизы Мишель «Коммуна» и французская каторга на Новой Каледонии в XIX в. / М.В. Лаврентьев // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – ISBN 978-5-907411-29-6.
3. Лаврентьев М.В. Французские и английские каторжные колонии в XIX веке: сравнительно-исторический анализ / М.В. Лаврентьев, А.Н. Сулимин // Теоретические и прикладные проблемы науки о человеке и обществе: социальный, правовой, экономический аспекты: монография / под общ. ред. М.В. Посновой. – Петрозаводск, МЦНП «Новая наука», 2020. – 186 с.
4. Таганцев Н.С. Ссылка и высылка как уголовное наказание / Н.С. Таганцев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – №4.
5. Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. – 342 с.
6. Циммерман Э.Р. Новая Каледония / Э.Р. Циммерман // Русская мысль. – 1884. – №6.